

ГЛАВА 1

Солнце, бесконечно долго висевшее над самым горизонтом, наконец стало подниматься. Старый Ясавэй улыбнулся солнцу, как доброму другу, и откинул на спину капюшон. Свежий морской ветерок стал трепать его седые волосы. Руки еще были сильны, глаза зорки, а ноги не утомимы. Ясавэй был одним из самых удачливых охотников, не зря его имя означало «знаток местности». Солнце не успеет подняться, как охотник доберется до острова Долгуш. Там лежище тюленей, или зайцев¹, как называют этих животных местные.

Хорошая добыча. Старик привычно греб, размышляя о жизни, о природе, об охоте. Тюлень — это ремни. У лахтака толстая кожа, с крупного самца, если снимать кожу полосой в

---

¹ Морской заяц, или лахтак. Поморы и местные охотники называют его просто «заяц», а обычных зайцев зовут «ушканы».

два пальца по спирали, можно получить ремень длиной в десять метров. А еще мясо и жир. Жир помогает женщинам выделывать хорошую, прочную замшу. Два внука, незаменимые помощники Ясавэя, уже уехали с побережья, увозя на нартах четыре разделанных туши. Завтра они вернуться на берег и будут ждать деда с новой добычей. А добыча будет, хорошая добыча. Охотник знает, как подобраться к лежбищу тюленей, не спугнув животных. Нужно встать ближе к воде, чтобы испуганные тюлени бросились к воде и как можно дольше были на прицеле Ясавэя. Тогда он сможет сделать четыре или пять выстрелов.

Охотник причалил к берегу там, где было мало больших камней. Надежно привязав лодку, он вытащил на берег все свое имущество — воду, запас еды. Спички, трубку и кисет с табаком положил сверху. Курить нельзя, с собой брать нельзя. Зайцы сразу почувствуют запах табака и дыма и бросятся в воду. Они знают, что от человека может исходить такой запах, а человек для них враг. И пройти по берегу до лежбища придется километра два или три. «Ничего, — подумал старик, — вернусь с добычей, сяду на берегу, буду отдыхать, курить трубку, смотреть на солнце и благодарить его за свет и тепло. И море буду благодарить за добычу, и буду разговаривать

с душами убитых животных, благодарить их, что не дают умереть от голода «настоящим людям»¹. Все живет и все умирает, чтобы жить дальше. Все просто в этом мире, спокойно и размеренно». Так думал старый охотник, так же думали его предки, веками жившие в этих местах. Потому и жили в мире с природой и друг с другом.

Тревога внутри появилась сразу. Ясавэй сначала почувствовал тревогу, почувствовал близость чужаков и только потом уловил запах чужого тела, запах металла и одежды других людей, запах чужого, незнакомого табака. Охотник обернулся. Трое незнакомцев в странной одежде и с оружием смотрели на него. Они появились из-за камней, лежавших на берегу метрах в тридцати от него, и теперь смотрели холодно, пристально. И то, что у двоих висело на груди на ремнях, было оружием. Это старик понял сразу. Короткое ружье без приклада с длинной железной рукоятью снизу. Зачем такое оружие, как из него можно прицелиться и попасть в добычу с большого расстояния? «Неумное оружие, — подумал охотник и тут же отогнал от себя эти мысли. — Не о том надо думать, когда встречаешь в тундре или в море другого человека.

---

¹ Ненец, или ненэй, ненэч — буквально переводится как «настоящий человек».

Надо спросить, не нужна ли помощь, не попал ли человек в беду?» Но эти трое не выглядели попавшими в беду.

И тогда охотник медленно снял с плеча свой карабин и осторожно положил на тюк с вещами. Взяв кисет и трубку, он показал их незнакомцам.

— Курить хочешь, человек? — спросил Ясвай. — Есть табак. Говорить будем!

Незнакомцы чему-то рассмеялись, переговариваясь, и старик подивился странному языку этих людей, которого ни разу в жизни не слышал. Резкий, какой-то лающий! «Люди-псы, — подумал он, но снова постарался прогнать плохие мысли о незнакомцах. — Надо думать хорошо!» Это была последняя мысль старика. Дальше он успел только удивиться, когда один из чужаков направил на него свое оружие, и оно выстрелило короткой очередью с сухим треском. Пули ударили старику в грудь, и его ноги подкосились. Незнакомец в морской фуражке с белым верхом подошел к охотнику и толкнул тело ногой.

— *Wirf es ins wasser*¹, — приказал он.

Мотор самолета гудел ровно и даже как-то убаюкивающе. Буторин смотрел на товарищей,

---

¹ Бросьте его в воду (*нем.*).

как те сонно моргали глазами, пытаясь бороться со сном. Когда ты двое суток не спал, когда ты замерз как собака под дождем и на ветру на продуваемом аэродромном поле, когда ты застыл в ледяном фюзеляже транспортника, в котором практически отсутствовали теплоизоляция и отопление, то самое приятное, это достать из баулов специально выданное теплое белье и куртки. И когда группа наконец оделась по-северному, когда оперативники согрелись и стала пропадать мысль о вожделенных «наркомовских ста граммах», глаза у всех стали слипаться. Лететь было еще часа три, и Шелестов велел всем спать час. Виктор нахмурился, глядя на северные скалы, проплывающие под крылом «дугласа». Сразу вспомнились скалы Норвегии, полярная ночь и взрыв, который похоронил под обвалом замечательную храбрую девушку, норвежскую партизанку по имени Мэрит. Нет, нельзя сейчас давать волю эмоциям, подумал Буторин и отогнал воспоминания. Он прикрыл глаза и вдруг сразу провалился в глубокий сон.

А вот Шелестову не спалось. Он сидел, откинувшись на неудобную дюралевую спинку пассажирского кресла, и думал о предстоящей операции. Охват территории очень большой. Фактически группе предстоит искать иголку в

стоге сена. Проводить армейскую поисковую операцию, снимать с боевых дежурств силы Северного флота или военную авиацию глупо, потому что они нужны на фронте, а доказательства того, что немецкие подлодки забираются в северные воды, лишь косвенные. Да, действовать в советских полярных водах гитлеровские субмарины активно не могут, потому что нет для этого технических возможностей. Им нужны базы для ремонта и дозаправки. Но если они создадут такие тайные замаскированные базы, тогда подлодки смогут атаковать конвои союзников и после прохода ими Норвегии и даже в Белом море. И ничто не сможет немцам помешать атаковать даже порты, в том числе и Архангельский. И уж точно не сможет безопасно действовать Северный морской путь.

«Нет, я прав, — думал Максим, — я правильно решил. Нельзя расплющить наши и без того мизерные силы, как предлагал Берия, нельзя бросать каждого члена группы одного на большие территории. Мы будем двигаться от Архангельска на восток группой, но охватывать и проверять большие районы. Тогда в критической ситуации, в случае опасности, мы сможем собраться вместе, я смогу помочь каждому, когда все будут в пределах хотя бы однодневной доступности.

Транспорт нужен: самолет, вездеход, олени упряжки. Хотя самолет для поиска бесполезен — ни черта с него не увидишь среди скал. Самолет годится нам как транспортное средство только для высадки, но и это огромная помощь.

Тысячи километров полярных берегов. Кажется, что работа бессмысленная и пустая. Но так считать может лишь наивный человек. Да, четверым эта работа не под силу. Но искать надо не столько самим, сколько собирать у населения сведения. Десятки и сотни людей что-то видели, слышали, находили какие-то следы. Не самим эти следы надо искать, а опрашивать рыбаков, оленеводов, охотников, летчиков. А вот когда появятся конкретные сведения, тогда следует и осматривать местность в нужном месте. Нет, я прав, что настоял на своей стратегии поиска, — с удовлетворением подумал Шелестов. — Не думал, что Лаврентия Павловича удастся убедить. Недооценивал я Берию».

Заместитель начальника окружного управления НКВД внешне чем-то напоминал бывшего наркома Ягоду. Такой же щуплый, невысокий, с быстрыми глазами и влажным ртом, который он постоянно облизывал. Было в нем что-то гаденькое, вызывающее брезгливость. Но приходилось

стараться на это не обращать внимания. Самого начальника не было — его срочно вызвали в Москву. Да и по оценке Платова майор Бирюков был работником толковым, расторопным.

— Вам должны были сообщить о прибытии нашей группы, Аркадий Сергеевич. — Шелестов уселся в предложенное кресло напротив стола майора.

— Так точно, сообщили, — поспешно отозвался Бирюков. — И меры мы принимать уже начали. Я отдал приказание разослать телефонограммы и радиограммы уполномоченным на места. Как только появятся сведения о немцах, мне сразу сообщат.

— Важно, чтобы сообщали не только о немцах, не только об увиденных подводных лодках, — напомнил Шелестов. — Все сведения о непонятных происшествиях, о пропавших людях, о чужаках, о странных следах на побережье материка, на островах. Пусть ваши сотрудники больше общаются с коренным населением: с оленеводами, охотниками, рыбаками. Ненцы могут и не понять, что это враг, они понятия не имеют о подводных лодках, но у них острый глаз, и они могут заметить такие следы, мимо которых мы с вами пройдем мимо. Вы понимаете меня, Аркадий Сергеевич?

— Да-да, — с готовностью закивал Бирюков и стал что-то записывать на листке бумаги. — Следы! И о следах сразу же сообщать мне сюда. А я, стало быть, сразу же вам сообщу.

— Разумеется, — сдерживая раздражение, согласился Шелестов. — Мы будем поддерживать связь с вашим управлением. А вы не просто сообщайте нам, а ориентируйте ваших сотрудников на проверки всех странных фактов, всех подозрительных случаях и следах. Пусть сразу выезжают и проверяют на месте, опрашивают людей. Сколько ваших оперативников могут быть задействованы одновременно на территории от Архангельска до Новой Земли?

— В настоящий момент, — тоном рапортующего об успехах сотрудника начал говорить майор, — мы довели приказ до двадцати оперативников, находящихся на местах. До конца месяца нам удастся оповестить еще около двадцати человек, а к концу лета...

— Очень на вас надеюсь, Аркадий Сергеевич.

Шелестов поднялся, не дождавшись окончания бодрого рапорта Бирюкова. Разговаривать с этим человеком было больше не о чем. Максим надеялся, что с возвращением из Москвы начальника управления работа будет налажена, и

сведения действительно будут поступать, и розыск пойдет своим чередом, как положено. Наверняка Платов проинструктирует начальника окружного управления лично.

«Видимо, рассчитывать все же придется только на себя, на свои силы, — подумал Шелестов, выходя из здания управления. — Кто-то не в состоянии помочь, кто-то просто не сумеет, а кто-то будет делать вид, что помогает, что прикладывает усилия. Так ведь спокойнее, когда делаешь вид, что работаешь». Но Максим обязан был попытаться привлечь к заданию всех, кто хоть как-то мог помочь, у кого были силы и средства для этого. Увы, приказ из Москвы не всегда решал все и так, как надо.

О том, что на берегу пропал ненецкий охотник, Сосновский узнал возле продовольственного магазина. Здесь пылилась совхозная полуторка, чей-то мотоцикл с коляской и несколько оленьих упряжек.

— Море забрало, большая вода, — пояснил старик-ненец. — Тундра берет, тайга берет, море берет. Оно нам дает и взамен берет. Так всегда жил наш народ.

Но Михаила такое объяснение не удовлетворило. Он подсел к старому оленеводу, достал

пачку хорошего трубочного табака. Старик степенно кивнул, выбил трубку и стал набивать ее табаком, который предложил незнакомец. Соновский знал туземные обычаи и, чтобы не тянуть в рот трубку старика, который ею его обязательно угостит и из которой он должен сделать несколько затяжек, достал другую и тоже набил табаком. Так они и сидели на нартах. Чтобы расспросить ненца о том происшествии, требовалось много времени. Михаил плотнее запахнул ватную фуфайку, поднял воротник и, усевшись удобнее, окунулся в долгий ритуал общения.

Они выкурили по две трубки, прежде чем стало ясно, что охотник добывал тюленей и что отправился на остров, где было их лежбище. Но назад он не вернулся, хотя внуки с упряжками его ждали на берегу весь день и еще один день. Лодка? Что представляют собой утлые лодчонки ненцев, Михаил уже знал. Деревянный гнутый каркас, обтянутый тюленьей шкурой. Сильное волнение, острый камень под днищем. Да и разъяренный самец может накинуться и опрокинуть лодку в море. Охотники, конечно, народ опытный, но бывает всякое.

До стойбища было недалеко, всего каких-то километров двести. По масштабам заполярной тундры — это почти рядом. Пара сильных оле-

ней бежала спокойно по ровной, как стол, тундре. Только далеко на северо-востоке в дымке поднимались какие-то горы или скалы. Хотя это могла быть и именно дымка, своего рода мираж. Оленевод затаил бесконечную дорожную песню. Про такие песни говорят, «что вижу, о том и пою». Сосновский задремал, лежа на нартах. Потом он почувствовал, что замерзает. Как его научили ненцы, он соскочил с нарт и побежал следом. Через несколько минут ему стало жарко, и он снова упал боком на нарты рядом с оленеводом. Тот одобрительно заулыбался. Дальше бежать нельзя — вспотеешь. Потный, ты замерзнешь еще быстрее и заболеешь. Русским нельзя в тундре болеть, умереть можно. Ненцы не болеют, они знают, как лечить и чем. Русскому лечение не поможет, а жителям тундры помогает. «Сказки, — думал Сосновский, слушая рассуждения оленевода. — Еще как умирают и в их среде. Только они это относят на счет воли духов, которые сами знают, когда и кого забрать».

Мальчишек было четверо. И, как смог определить Сосновский, все они в возрасте от восьми до двенадцати лет. И в таком возрасте они вполне самостоятельные помощники в своей семье и в стойбище. Их отпускают, зная, что дети справятся и с оленями, и с любой проблемой, кото-

рая может возникнуть в тундре вдали от дома, от взрослых. Рано здесь взрослеют, рано.

— Здесь мы ждали Ясавэя, — показал мальчик грязным пальцем на мелкий щебень, который слегка перекаtywала морская волна. — Лодку толкнули, и он поплыл к острову. А мы поехали в стойбище отвозить мясо. На следующий день пришли и ждали его два дня. Он не вернулся.

— А взрослые на остров не пошли? — удивился Сосновский. — А вдруг с Ясавэем там беда случилась, вдруг ему помощь нужна? Он же старый, вдруг с сердцем плохо.

— Ясавэй сильный охотник, он никогда не устает и никогда не болеет, — с гордостью заявил другой мальчишка. — Он нас учит. Он наш учитель.

— Как будто учитель не может заболеть, — проворчал Михаил и повернулся к взрослым ненцам. — Лодка нужна! На остров надо идти, вашего старика искать!

Ответ Сосновского тоже удивил. Точнее, не сам ответ, а именно реакция. Ненцы переглянулись, будто не поняли этого настырного русского. Один из них, с короткой трубкой во рту, подошел к берегу, посмотрел на воду и тихо спросил:

— Зачем идти? Если Ясавэй утонул, умер там, на острове, то охота плохая. Нельзя зверя бить в том месте, где человек умер. Ясавэя вода забрала, идти не надо, нельзя противиться духам. Они сами знают, когда и кого забрать. Шаман у костра с духами разговаривал. Духи сказали, что в воде Ясавэй. Нет его на земле. Зачем идти?

— Вот что, друг, — Сосновский посмотрел в узкие добродушные глаза ненца и положил ему руку на плечо. — Я с вашими духами спорить не буду и не хочу, чтобы и вы с ними поссорились. Но мой шаман мне сказал, что Ясавэя убили нехорошие люди. Может, он и в воде, может, его тело бросили в воду, но мне нужно обязательно понять, кто и как убил вашего охотника. Ясавэя не вернешь, но мы с тобой должны сделать так, чтобы никто из нехороших людей больше не убивал охотников и оленеводов. Надо найти, поймать нехороших людей. Тогда в тундре и в море снова будет не опасно. Понимаешь меня?

— Ты будешь стрелять в нехороших людей? — Ненец потрогал автомат «ППС», висевший на плече у русского.

— И ты будешь! — заверил его Михаил. — Это же нехорошие люди!

— В человека стрелять нельзя, — нравоучительно заметил ненец. — Песец можно, тюлень можно, а человек нельзя.

— Черт, нельзя, значит, не будешь, — начал злиться Сосновский. — Мне следы надо найти, мне надо, чтобы ты мне помог разобраться в следах. Понимаешь меня, охотник?

Михаил боялся, что лодку ему придется ждать несколько дней. Однако охотники вопрос решили довольно быстро. Не прошло и трех часов, как на берегу появились ненецкие нарты «хасава хан». В воздухе над рогами оленей замелькали длинные шесты — хорей. Улыбающиеся олениводы сняли и поставили на траву две легкие лодки из тюленьих шкур. Выяснив, кто из ненцев хорошо знает пролив между островом и материком и сам бывал на Долгуше, Сосновский стал торопить своих новых друзей с отплытием.

Море было спокойным, а ненцы гребли умело и споро. Сосновский стоял на коленях во второй лодке и внимательно смотрел вокруг. Всплытие подводной лодки трудно не заметить, но если она всплыла только на перископную глубину, то можно и пройти мимо в нескольких сотнях метров от нее. Но Михаил не ждал появления немецкой субмарины. Его беспокоило то, что фашисты могут оказаться на острове, а

две лодки сейчас очень уязвимы и беззащитны. «Может, я зря ринулся с этой проверкой? — подумал Сосновский. — Может, надо было ребят подождать и под серьезной охраной с солдатами обследовать остров? Нет, — снова успокоил он себя. — Так мы будем несколько лет здесь копошиться, если на каждый чих будем собирать войсковую операцию». Поправив на голове ушанку, он снова стал внимательно смотреть по сторонам и особенно на приближающийся каменистый остров, над которым кружили стаи северных чаек.

— Там пристать нужно, — показал ненец рукой в сторону берега, где было мало валунов, обломков скальной породы.

Вода тихо набегала на мелкое каменное крошево и откатывалась назад, Сосновский встал в лодке и осмотрелся. Охотник снова замал рукой, показывая куда-то вперед, и пояснил:

— Там лежбище, на другой стороне. Туда плыть нельзя, зайцев распугаем, уйдут с острова. Человека зверь не любит. Много приходит человек — зверь уходит. Надо по суше идти напрямик. Сверху смотреть на лежбище надо.

Сосновский спрыгнул на берег, когда лодка легко ткнулась носом в каменистую россыпь. Он осмотрелся по сторонам и нахмурился. Да, на та-

ких камнях следы найти практически невозможно. Даже туземным следопытам такое, пожалуй, не под силу. Даже если лодка пропавшего охотника здесь приставала, то определить место, где именно, невозможно.

Ненцы стояли у своих лодок и смотрели на русского, как тот расхаживал по берегу и смотрел себе под ноги. Михаил посмотрел на них и махнул рукой.

— Привяжите лодки и осматривайте берег. Ищите все, что могло бы подсказать, что здесь был человек. Любые следы!

Охотники быстро вытащили легкие суденышки на берег подальше от линии прибоя и разошлись в разные стороны, рассматривая под ногами камни. Сосновский посматривал на своих помощников с надеждой. Хотелось скорее услышать призывный клич и увидеть обрадованное лицо охотника. Не верилось, чтобы опытный старик, еще крепкий и здоровый, так нелепо погиб в море. А ведь шторма не было, и сильного ветра за эти дни не было. Да и не пошел бы он на остров перед надвигающимся штормом или при усилении ветра. Местные хорошо знают все погодные приметы. Но что можно найти на камнях? Это не рыхлая земля, даже не трава или кустарник... И тут один из охотников присел на

корточки и что-то поднял. Он покрутил в руках что-то мелкое и позвал:

— Михаил, иди сюда!

Сосновский подбежал и присел рядом. Охотник держал в руке что-то кривое, похожее на коготь. Он не сразу узнал оберег, который носили на поясе многие охотники. Ненец показал на свой пояс, на котором рядом с ножом висели несколько медвежьих когтей.

— Давно обронить мог, — пояснил ненец. — Любой охотник. И вчера, и весной в прошлом году мог. Старый коготь, не понять.

— А это что? — Сосновский показал на темное пятно на камнях.

Он поднял камешек побольше и поднес к лицу. Темное пятно, которое могло быть и кровью. Ненец взял камешек из руки Михаила и стал рассматривать. Даже понюхал, но потом с сомнением покачал головой.

— Может, кровь, может, не кровь. Может, человека, может, зверя, может, птицы.

Сосновский поднялся и осмотрелся. А если кровь? Почему такое маленькое пятнышко? Палец порезал? Михаил оценивающе посмотрел на повседневную одежду ненцев — малицы. Длинные куртки мехом внутрь с пришитыми рукавицами и капюшонами. Меховые штаны, на ногах

меховые сапоги — пимы. А ведь кровь впитается в мех, она с трудом найдет себе дорогу наружу, если, скажем, ударить человека в такой одежде ножом. Или если в него попадет пуля. Кровь в основном останется под одеждой, впитается в нее. Что ж, вполне приемлемая гипотеза. Но тогда еще кто-то должен был здесь быть. Тот, кто ударил ножом или... выстрелил! Откуда? Вон оттуда, с низкой гряды. Правее и левее острые скалы, там не пройти. А вглубь острова как раз по этой гряде можно пройти.

Сосновский, стараясь не спешить, двинулся вверх по склону. Камешки осыпались под его ногами, сползая вниз по склону. Ни о каких следах в таких условиях мечтать не приходилось. Но Сосновский упорно шел вверх, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Еще несколько шагов, и он взобрался на большой камень с плоской вершиной. Отсюда хорошо был виден берег и две лодки. Вправо и влево уходили скалы, где к берегу было пристать невозможно. А сзади каменное плато вело в середину острова, наверное, можно пересечь остров и выйти на другую сторону, в том числе и к лежбищу тюленей. Подумалось, что если кто-то с другого берега пришел бы сюда, то как раз на этом большом камне он и остановился бы, чтобы осмотреть берег. И сра-

зу увидел бы одинокого ненца с лодкой — так подсказывала Сосновскому интуиция. И тут же мысли вернулись к пятну на камнях, похожему на засохшую кровь, и оберегу в виде медвежьего когтя, который мог потерять ненецкий охотник.

Сосновский снова стал осматривать камни под ногами, и тут что-то блеснуло среди мелкого камня на осыпи. Там ниже! Так это же гильза... Не спуская глаз с находки, Михаил стал осторожно спускаться по осыпи. Вот снова покатились камешки, поехала небольшая масса грунта, и гильза скрылась из глаз, но он уже заметил точно то место, где она находилась. Присев на корточки, Сосновский стал осторожно разгребать камешки. Здесь, где-то здесь она должна быть. Не показалось же мне...

Снова тускло блеснул металл. Вот она, гильза от 9-мм патрона «парабеллум». И особенно не потемнела. Она здесь не с прошлого года лежит, она свежая, всего несколько дней назад оказалась в этом месте. Сосновский поднес гильзу к носу и понюхал. Еле уловимый запах сгоревшего пороха. Ну, вот вам и разгадка! Сосновский поднял голову и посмотрел на подошедших ненцев. Охотники увидели в пальцах русского гильзу от незнакомого патрона, но сразу поняли, что это гильза от огнестрельного оружия.

— Мне кажется, что Ясавэя убили нехорошие люди, — сказал Сосновский. — И я ищу этих людей. Они стреляли в него отсюда. И они приплыли на большой лодке. Надо найти место, где к берегу приставала большая лодка плохих людей.

Охотники стали о чем-то совещаться, сокрушенно качая головами, то и дело показывая руками в разные стороны. Сосновский надеялся, что у ненцев разногласия идут не в вопросах, где могла причалить фашистская субмарина. Он долго ждал, когда охотники придут к единому мнению. Затем один из них поднялся к Михаилу.

— Пойдем искать следы плохих людей. Если они убили Ясавэя, то могут прийти в наши стойбища. А там тэ, у каждого охотника там мя¹, там женщины и дети. Мы найдем следы плохих людей, ты их убьешь, и они не придут в тундру.

— Логично, — проворчал Сосновский. — Они, значит, показывать будут, а я все остальное делать! Как там древняя латинская поговорка гласит? Орел не ловит мух? Ну, орлы, ничего не скажешь.

---

¹ Олень по-ненецки «ты», во множественном числе «тэ». «Мя» по-ненецки чум, жилище.

Остров был большой, и Михаил боялся, что придется пройти километров двадцать. Но охотники хорошо знали эти места и провели русского самой короткой дорогой до небольшой и, видимо, глубокой бухты. Путь занял всего минут тридцать, и когда Сосновский остановился на высоком берегу, то решил, что подводная лодка вполне могла сюда войти. Неизвестно пока, какие глубины у берега, но у левого высокого берега, где сплошные скалы резко обрываются к воде, вполне можно было встать на якорь. Там лодку и с воздуха не сразу заметишь, если не будешь ее специально искать. А до берега фашисты могли добраться и на резиновой лодке.

— Никого нет, — обвел рукой горизонт Сосновский, чтобы успокоить встревоженных охотников. — Надо обойти весь берег и найти следы людей, которые высаживались с большой лодки. Давайте начнем отсюда, с полого берега, и пойдем вон в ту сторону, к скалам.

Охотники разошлись, и Сосновский тоже принялся за поиски. Вряд ли он со своими навыками составил бы ненцам конкуренцию, и вряд ли его помощь была бы существенной, но стоять или сидеть без дела Михаил просто не мог. Да и беспокоило его то, что фашисты могли появить-

ся в любой момент. Ведь зачем-то они сюда приходили один раз. Могут прийти и второй.

Двое ненцев сидели на коленях метрах в десяти от воды и что-то обсуждали, показывая на камни. Сосновский подошел к ним и увидел среди не очень крупных камней углубление. В песке или мелком щебне от него не осталось бы и следа, а здесь вот осталось.

— Кол забивали, — пояснил ненец. — Железный. Лодку привязывали. Большую лодку не привяжешь. Маленькую лодку привязывали.

«Так и есть, — подумал Михаил, с благодарностью похлопав охотника по плечу, — субмарина находилась в бухте, а кто-то из экипажа высаживался на берег в резиновой лодке. Здесь ее и закрепили, чтобы не унесло в море». К нему подошел еще один охотник, что-то бережно неся на ладони. Это были два окурка сигарет. Не мундштуки советских папирос, не огарки «самкруток», а именно окурки от сигареты. «Ну, вот и первый след, — с удовлетворением решил Сосновский. — Надо срочно сообщить Шелестову».

Максим просто физически чувствовал, что Иван Папанин — это непробиваемая броня, это скала, которую ни преодолеть, ни обойти. Даже разговаривал Папанин с Шелестовым так, будто

перед ним был рядовой матрос с какой-то баржи или студент-океанолог, который «христареди» просит взять его в полярную экспедицию. Еще бы: дважды Герой Советского Союза, орденосносец, известный полярный исследователь, герой Гражданской войны, а теперь еще контр-адмирал! И даже звание Шелестова в системе НКВД для Папанина не играло роли, как и сам наркомат. В молодости в Крыму был он и комендантом «чрезвычайки», и членом Реввоенсовета, и наркомом был. Только Шелестов прекрасно знал, что все посты этот человек заслужил не столько своими организаторскими способностями, сколько умением перешагивать через людей. А в критической ситуации это немало, это очень ценно, а порой и единственно важно. Да и доктором географических наук он стал не в результате научных достижений, а как раз в виде благодарности за организацию полярных исследований.

— Вы отдаете себе отчет, товарищ Шелестов, — величественно вещал Папанин, — в том, что в такую трудную минуту для страны каждый снятый с Севморпути самолет, каждое судно — это удар по обороноспособности страны, удар по снабжению, это гибель советских людей, которые ежедневно, не щадя себя, отдают все делу

победы над ненавистным врагом. И в такую минуту вы обращаетесь ко мне с подобными просьбами?

— Я обращаюсь к вам за помощью, Иван Дмитриевич, — сдерживая гнев, напомнил Максим, — потому что это была рекомендация наркома Берии.

— А, Берии! — Папанин вознес руки над головой. — И вы что ждете, что я вам в ноги кинусь? Ваш Берия...

Папанин вовремя опомнился и не стал использовать эпитеты. Шелестов понял, что хотел сказать этот человек, возомнивший себя всемогущим, обласканным властью и защищенным со всех сторон. Он полагал, что неуязвим, но страх перед именем всемогущего Берии и здравый смысл все же взяли верх над горячностью и самомнением Папанина. И заслуженный полярник, росчерком чьего пера было искалечено немало судеб, снова пустился в идеологическую риторику, весь смысл которой сводился к двум словам: «не дам».

Напрасно Шелестов пытался убедить Папанина в том, что подводные германские лодки, если им удастся обосноваться в полярных водах СССР, могут натворить много бед, в том числе и для Севморпути в целом, и сорвать мас-

су перевозок по Белому морю. А ведь Папанин был еще и уполномоченным Государственного Комитета Обороны по перевозкам на Белом море.

— Ну что? — спросил Коган, когда Шелестов подошел к нему в парке.

— Есть люди, с которыми разговаривать бесполезно, — зло проговорил Шелестов. — Им надо или приказывать, или смещать их с должности к чертовой матери!

— Ясно, самолетов он нам не даст и воздушного поиска не предвидится.

— Догадливый, — невесело усмехнулся Максим. — Просто ясновидящий. Папанин пользуется покровительством лично Сталина, и связываться с ним никто не будет. Никто не захочет рисковать. Ладно, все равно решает не один человек, есть еще и люди на местах, которые могут помочь. Тем более что приказ нам надо выполнять вне зависимости от того, поможет нам Папанин или нет.

— Нам нужно составить карту всех возможных мест или наиболее вероятных мест, где немцы могут попытаться устроить свои базы, — заговорил Буторин. — И методично отрабатывать эти места. Для этого нужны какие-то критерии оценки.

— Ну, они в принципе есть, — кивнул Шелестов. — Это должна быть бухта, в которую поместится не одна, а как минимум две или три субмарины. Скрытность по условиям рельефа. Ну и удаленность от караванных путей, мест охоты и рыболовства местного населения. Так что направление поиска есть. Беда лишь в том, что все эти места, которые нам нужно осмотреть и проверить, находятся на удалении от обжитых мест, туда без транспорта не попасть.

Обустройство аэродрома на Севере, в полярной тундре — дело сложное, требующее особого подхода. Тут не только инженерная мысль важна, нужно хорошее знание природы, геофизики местных ландшафтов. Ровное место, покрытое чахлой травой и мхом, может быть ловушкой для самолета, когда он при посадке зароется передней стойкой шасси в болотную жижу или просто на его пути встретится участок, где грунтовые воды неожиданно поднялись очень высоко. И фактически под дерном не сухая земля и камни, а грязевая жижа.

Аэродромы здесь делают на каменистых участках, которые можно выровнять. Или использовать бетонные плиты, стальные щиты. Но с учетом удаленности дороговизна таких взлет-

ных полос становится неподъемной. И тогда решающее слово остается за учеными, знающими местную природу. Они подскажут участки, которые не подтопляются, участки, где под колесами самолета окажутся плотные каменистые грунты. Не всегда можно забетонировать полосу. Если почва подвижная и часто подтапливается, то бетон будет проседать, крошиться, трескаться. И снова недалеко до аварии. Поэтому аэродромов в Заполярье мало, находятся они на большом удалении друг от друга. Еще на прибрежных участках и в устьях больших рек выручают гидросамолеты. Зимой легче, зимой самолет можно поставить на лыжи.

Коган с тремя летчиками сидел в курилке под небольшим шатровым навесом. На аэродроме Колыван ремонтировали полосу, и с самого утра все полеты были прекращены. А на краю возле дощатых пакгаузов скопился груз для дальних поселений, магазинов, для метеостанций. Не поднимались в воздух и самолеты ледовой разведки. Летом очень коварны отдельные льдины, которые могут приблизиться к берегам, неожиданно появиться на пути северного каравана. Иногда к берегам прибывает много льда, и на трассе Севморпути образуются ледовые поля. Увидеть это нужно как

можно раньше, чтобы изменить курс, обойти опасные участки или направить туда ледокол.

— Смотреть умеют все, а вот видеть... — плечистый немолодой летчик Никифор Митрофанов в распахнутом реглане покачал головой и снова затянулся папиросой. — Тут ведь глаз надо иметь наметанный, чтобы он цеплялся за все, что не соответствует природному ландшафту. Мы вот, когда корабли во льдах ищем или упавший самолет, как смотрим... Не на все ледяное поле в целом, на тундру или тайгу, а на мелочи, зацепки, которые в глаза не бросаются обычному человеку, а нам бросаются. Промойна в центре ледового поля! Откуда она там появилась? Не может ее там быть. Или сломано несколько верхушек елей. А почему они сломались? Ветром может поломать, еловое дерево хрупкое. Может от тяжести снега, если его зимой было много, но тогда зелень пожухлая должна быть. То-то и оно!

— А со скалами, наверное, еще сложнее? — спросил Коган.

— Иногда да, а иногда и нет, — засмеялся молодой летчик с редкими, еще юношескими усами пшеничного цвета, назвавшийся Семеном Берзиным. — Там важно, чтобы глаз за геоме-

трию зацепился. Ведь что такое скалы? Хаотическое нагромождение камней. А что такое лодка или корабль? Рукотворный объект правильных геометрических очертаний. Как глаз во время полета настроишь, так и увидишь. Будешь произвольно пропускать голые скалы, а за что-то неподходящее и правильное глаз сам зацепится. Нас так учили.

— А подводную лодку сложно сверху увидеть? Когда она всплыла, это понятно, а вот когда она идет с перископом или стоит на перископной глубине?

— На чистой воде можно, если точно над ней пройти. Но чаще всего нет, — покачал головой плечистый летчик. — Бурун от перископа виден, когда волнения нет и лодка идет. А так хрен заметишь!

— Значит, наблюдение с воздуха мало что дает? — подвел итог беседы Коган.

— Как это — мало чего? — взвились все летчики разом. — Да мы и не такое находили. Надо просто знать, что ищешь, сконцентрироваться на этом объекте. Или хотя бы несколько заходов надо сделать. Авиация — великое дело в деле по части поиска!

— Ну, ясно, — засмеялся Коган, поняв, что ему все же удалось зацепить профессиональную

гордость авиаторов. — Верю вам, сталинские соколы. Говорят, что нет летчиков лучше тех, кто послужил в северной авиации, самые лучшие — это летчики-полярники. Ну а видеть сверху подводную лодку вам доводилось?

— Я видел, — неожиданно ответил Петя Буданов — щуплый веснушчатый паренек в сдвинутом на затылок летном шлеме.

— Когда, где? — Коган насторожился. Он отметил, что удивлены были и товарищи молодого пилота.

— Примерно месяца полтора назад. Я с Колгуева шел на материк, и меня ветром стало сносить на северо-восток. Верховой ветер был, я попробовал спуститься ниже тысячи метров, надеясь, что там скорость ветра ниже, как передавала синоптическая станция, и направление юго-восточное. Море и правда было спокойнее, но с барашками. Лодка была на поверхности, только рубка над водой видна. Я ее сразу заметил, как только высоту сменил. А когда подошел, она пошла на погружение.

— Оознавательные знаки, бортовой номер заметили?

— Нет, сначала далеко было, а потом она уже под воду ушла. Не увидел.

— А вы докладывали своему начальству?

— О лодке? — Петя удивленно посмотрел на Когана. — Нет, а зачем? Такой установки не было. Лодка и лодка! Мало ли кто у нас в море выходит. Я же не на поиске был.

«Вот так, — подумал Коган, удовлетворенно потирая руки. — Значит, ходят они сюда. От самолетов прячутся. Своей лодке в том районе делать абсолютно нечего. Ладно, возьмем на заметку это место. Теперь договориться с командиром авиагруппы, чтобы забросил нас в нужный район, а потом забрал. Да и сверху посмотреть бы не мешало на скалы и бухты».

ГЛАВА 2

Нарты скрылись за прибрежным холмом. Буторин поправил лямки вещевого мешка за спиной и кивнул Сосновскому.

— Ну, чего стоишь? Пошли, а то нам топтать и топтать с тобой. Оленеводы подумают, что нас «тундра забрала», если вовремя не придем, развернутся и уедут.

— Успеем, — отмахнулся Михаил, с улыбкой глядя на небо над океаном. Он небрежно закинул ремень автомата на плечо. — Ты посмотри, как это красиво, Виктор! Бескрайняя даль неба, бескрайний ледяной океан, бескрайняя тундра

и два человека, затерявшиеся среди безмолвия. Мы с тобой даже не песчинки в пустыне, мы молекулы в бескрайней Вселенной, мы с тобой часть материи, часть мироздания.

— Романтик, — беззлобно усмехнулся Буторин. — Пошли, нам пора искать другую молекулу или часть мироздания в виде немецкой подводной лодки. Возвращайся из своих возвышенных сфер на землю и настраивайся на возможную встречу с врагом.

— Романтикам всегда жилось тяжело, — притворно вздохнул Сосновский. — Их тяготит присутствие прагматиков.

— Потерпишь, — ухмыльнулся Буторин и пошел вперед к берегу моря.

Они шли уже около двух часов, то взбираясь на скалы у берега, то двигаясь по мелкому мокрому камню, чтобы быстрее добраться до следующей бухты. Береговая линия в этом районе была очень изрезана. Из воды то поднимались острыми драконьими зубами скалы, то берег становился пологим, как на южных пляжах. Только что щебень под ногами покрупнее да вода похолоднее. Следующая бухта даже на первый взгляд оказалась подходящей для секретной базы подводных лодок. И когда оперативники спустились к берегу и стали осматриваться, то поняли, что

удобство было лишь видимым. Почти все дно бухты было скалистым и мелким. Тут даже на резиновой лодке с мотором ходить было опасно, не то что заводить сюда субмарину.

Они миновали еще две бухты и остановились на берегу в третьей. Извилистая глубокая бухта вряд ли подходила для создания базы. Спрятаться тут лодка могла, и края скал высокие, прикрывают с боков и от волн.

— Гиблое дело, — махнул рукой Сосновский, снимая шапку и вытирая лоб рукавом ватной фуфайки. — Найти в этих скалах пешком место стоянки субмарины? Жизни не хватит!

— Не ной, Миша, — спокойно ответил Буторин. — Мы с тобой обследуем наиболее вероятные места высадки. С воздуха Коган осматривает, Шелестов с населением беседует в тех районах, где больше диких скал и изрезанных бухтами берегов. Найдем, куда мы денемся!

— Что ты меня агитируешь! — нахмурился Сосновский и, усевшись на камень, стал стягивать сапог. — А то я без тебя не понимаю. Я возмущаюсь только потому, что такие задачи ставить надо не группе из четырех человек, а Северному флоту, у которого имеются и силы, и средства, и ресурсы.

— Флот должен воевать, Миша, — спокойно возразил Буторин.

— Воевать? — Сосновский даже замер от возмущения, держа в руках мокрую тряпку. — А мы что, ерундой тут занимаемся, мы в тылу отсиживаемся? Так если мы задачу не выполним лишь по причине того, что нас всего четверо, тогда что будет? Кому будет легче? Тому же флоту достанется по первое число проблем и неприятностей. И потерь, кстати, когда субмарины станут под самым носом пиратствовать и в Белом море, и на караванных путях Севморпути. Решать проблему надо сразу и кардинально, а не так, на всякий случай. А ладно! Что тут говорить. Им всегда там наверху виднее!

И Сосновский начал ожесточенно перематывать тряпку и натягивать сапог. Буторин смотрел на него, пряча улыбку. В этом был весь Миша Сосновский. Опытный разведчик, хотя в группе самый молодой. Он успел послужить в разведке под прикрытием дипломатического паспорта в Германии. Еще перед войной. И «закваска у него такая вот основательная — любая операция должна быть предварительно хорошо подготовлена, иначе будет не операция, а сплошной провал и потери людей, самого ценного ресурса разведки. И своих

сотрудников и агентов. Хотя и у них бывало всякое.

— Ну что, готов? — спросил Буторин, видя, как Сосновский поднимается с камня и с удовлетворением притопывает ногами, проверяя, насколько он удобно накрутил портянки.

— Готов, пошли, — отозвался Михаил и тут же замер, так и не накинув на плечо ремень автомата. — Ну-ка, Витя, подожди! А это что там такое?

— Что? — сразу же насторожился Буторин и стал смотреть в ту же сторону, что и Сосновский.

Что так заинтересовало Михаила, Буторин не понял, но он полностью доверял напарнику. Подойдя к Сосновскому, он встал рядом с ним. Проследив взглядом за рукой, которая указывала на ровное место среди скал в сотне метров от берега, он увидел небольшую горку из сложенных камней и над ней крест. Простой грубый крест из двух ржавых железок, скрепленных между собой проволокой. Оперативники молча двинулись вниз, продолжая оглядываться по сторонам.

Тундра цвела и зеленела. На северных склонах скалистых холмов местами виднелись пятна снежников, которые так и не успели растаять до лета. Да и не успеют уже. Целые поля разноцвет-

ных цветов раскинулись дальше на юг, лишь изредка среди этих диких цветников пробивались каменные зубья да россыпи камней помельче. Обойдя несколько больших ям с водой, оперативники спустились по камням ниже и остановились, глядя на могилу. Это, безусловно, была могила.

— Думаешь, что рыбаки кого-то похоронили? — с сомнением спросил Сосновский.

— Рыбаки отвезли бы покойника к себе в поселок, — возразил Буторин. — Им бы родные умершего не простили, если бы покойника в тундре оставили. Хотя, возможно, они похоронили неизвестного утопленника...

— А крест неправославный, — сказал Сосновский. — И где они в тундре нашли эти трубы дурацкие?

— И я об этом думаю. Уж больно эти трубы похожи на части внутреннего магистрального трубопровода на судне. Изношенного и замененного новым. Говоришь, неправославный крест? Значит, напрашивается вывод, что это лютеранский крест?

— Да, католический, — согласился Михаил. — Что он здесь делает? Одно объяснение в голову приходит: здесь похоронен немецкий моряк. С одной из подводных лодок. Мне кажется,

что этой могиле всего несколько недель, а может, пара месяцев.

— Слушай, Миша, ты вот в Германии несколько лет проработал. Ты мне можешь объяснить, почему у них обычный крест, а у нас в православии с двумя перекладинами, да еще и с нижней перекладиной перекошенной? Что за тайна за семью печатями?

— Нет тут никакой тайны. — Сосновский пожал плечами. — По легенде, Иисуса распяли на обычном кресте — четырехконечном. Но потом внизу прибили еще одну. В тот день вместе с Христом распяли еще двух человек — двух преступников. И перед казнью один из них поверил в Бога и раскаялся, второй — нет. Когда Иисус умер на кресте, прибитая под его ногами планка перекосилась, указав первому преступнику путь в рай, а второму — в ад. Поэтому четырехконечный католический крест символизирует распятие, муки, которые Иисус добровольно принял за людей. А православный восьмиконечный крест символизирует еще и прощение, которое человек может получить, даже находясь на пороге смерти.

— М-да, красиво! — кивнул Буторин и отошел в сторону от могилы. — А ты понимаешь, что нам придется возвращаться и эксгумировать

тело? Надо точно знать, кто здесь похоронен. Подожди-ка! А это что?

Сосновский подошел к напарнику и присел рядом с ним на корточки. Среди мелких камней виделись следы кострища. И тоже относительно свежие. Костер тут разводили уже этим летом. Пепел в основном развеяло ветром, только частички его остались между камнями. Да еще обгоревшие деревяшки непонятного происхождения. Явно не просто костер разводили, потому что среди мусора, обгоревших кусков какого-то тряпья, каких-то деревяшек из щелей между камнями удалось выковырять обгоревшие остатки обычного карандаша и две скрепки.

Сосновский держал на ладони почерневшие скрепки и улыбался, торжествуя глядя на напарника.

— Ты понял, Витя? Это скрепки. Ими скрепляются листы документа, может быть, удостоверения личности, может быть, какого-то другого документа. Но это скрепки, и говорят они нам о том, что не ненца-оленевода тут похоронили и не рыбака. Это моряк, а одежду его сожгли. А в кармане мог остаться какой-то документ. А все эти древесные остатки — материал для костра. Тут же в тундре ничего нет, что может гореть. Дерево для костра может быть только с корабля,

с лодки, с подводной лодки, Витя! Скрепки в согнутом состоянии, их вручную не разгибали.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Буторин и опустился на камни. — А ты говорил, что безнадёжны наши поиски! Уф, сколько мы с тобой протопали сегодня, но вот видишь, натопали результат. Думается мне, что лодка не собиралась возвращаться на базу, поэтому своего умершего они и похоронили здесь. Значит, задание у них какое-то. Или наблюдать, или искать, или изучать. Хотя все это одно — искать место под базу... Ложись!

Когда Буторин крикнул это, Сосновский уже увидел опасность и сам. Оленья упряжка была почти не видна из-за скал. Только роскошные рога сильного оленя виднелись над камнями. А вот человек в ненецкой малице стоял между камнями, прижав к плечу приклад оружия, и целился в оперативников. Прежде чем упасть и откатиться в сторону, Сосновский успел понять, что в руках незнакомца «ППШ». Знакомый треск автоматной очереди разорвал вековую тишину тундры.

Ругаясь «на чем свет стоит», Буторин пополз влево, обходя могилу и посматривая то по сторонам, то на Сосновского. Если этот туземец один, то лучше разделитья и обойти его с двух

сторон. Если, конечно, это туземец. И если он действительно один. Если оперативников атаковала группа, то, конечно, лучше держаться вместе, занимая круговую оборону. Но сколько нападавших на самом деле, оставалось только догадываться. Сосновский махнул рукой напарнику, чтобы тот продолжал обходить противника, а сам улегся между камнями и, откинув приклад своего «ППС», стал наблюдать.

Видимо, незнакомец видел только одного Сосновского в полный рост, когда решил убить его. Зачем убивать — этот вопрос пока второстепенный, а вот один ли он и каковы его намерения; если он все же один, вопрос важный. Намерения стали понятны, когда Михаил увидел голову среди камней. Этот человек осторожно приближался, видимо, чтобы удостовериться, что убил человека возле могилы. На какой-то миг Сосновский увидел повернутое к нему лицо и сразу понял, что это не ненец, несмотря на национальную повседневную одежду народов Севера. Каким образом тот заметил, что Михаил жив, непонятно. Но он почти мгновенно оценил ситуацию, дал короткую точную очередь и снова скрылся за камнями. Пули ударили в камни возле самой головы Сосновского, и тот поспешно отполз за камни, меняя позицию.

Голова, несмотря на адреналин, работала четко и спокойно. Надо заставлять его перемещаться, выдавать себя и стрелять. Тогда Буторин его засечет, подберется к нему с другой стороны и возьмет его. Интересно будет узнать, что это за тип и чего ему здесь нужно. Наметив себе следующую позицию, Сосновский вскочил и бросился в сторону, пытаясь разглядеть противника между камнями. Он успел это сделать в последнюю секунду, не целясь, выпустил очередь из автомата и тут же рухнул на траву. «Не попал, — с огорчением подумал Михаил. — А может, и хорошо. Он нам для информации нужен целенький и невредимый. Тащи его потом, раненого, на себе столько верст! Хотя у него оленья упряжка, она нам может пригодиться». Оленей ненцы учат не бояться резких звуков и выстрелов. Других просто не используют с нартами.

Незнакомец не стрелял. Это удивило Михаила. Он был убежден, что не попал в него, стреляя практически наугад. Бывают, конечно, чудеса, не зря говорят, что пуля дура. Мог случайно и попасть. Сосновский прополз еще метров десять, порвав на колене штаны. Магазин в автомате лучше сменить. В этом осталось всего два-три патрона. Отсоединив магазин, он бросил его рядом на камне и достал из подсумка на

ремне полный. И тут шелест камня под чьей-то ногой привлек его внимание. Звук исходил справа, совсем не с той стороны, откуда Михаил ждал своего противника.

Вставить магазин и передернуть затвор было делом одной секунды. Сосновский повернулся на бок и нацелил свое оружие туда, откуда раздался подозрительный шорох. Он даже успел прикинуть, что стрелять придется по ногам, потому что времени на рукопашную схватку у него не будет. Враг появится сразу, готовый стрелять на поражение. «Глупо я его проворонил», — подумал Сосновский со злостью. Но это была не самая большая беда. Боковым зрением он заметил движение, но быстро повернуться в противоположную сторону он уже не смог. Противник обманул его, видимо, бросив горсть камней в сторону от себя. И теперь он подобрался с другой стороны. Внутри у Михаила все похолодело от ощущения неизбежного. Он поворачивался с автоматом навстречу опасности, за доли секунды поняв интуитивно, что не успеет выстрелить первым.

Длинная очередь прорезала воздух, отдавшись эхом среди скал. Темноволосый мужчина в ненецкой одежде, готовившийся убить Сосновского, рухнул на бок, и его автомат покатился

по камням. Михаил с шумом выдохнул и вытер потный лоб рукавом. Откуда-то снизу Буторин сказал с недовольством:

— Ты чего подставляешься, Миша? А если бы я не успел?

— Перехитрил он меня, — ответил Сосновский, поднимаясь и подходя к убитому незнакомцу. — Еще бы секунда — и мне конец.

— Ну, вот на этот случай есть я, — ткнул Сосновского кулаком в плечо Буторин. — Чтобы успевать, спасти вас всех да на себе тащить. Ты лучше скажи, что нам теперь с трупом делать? От него ответов не получишь, а вопросов у нас много. Там, кажется, оленья упряжка была за скалой...

Сосновский повернулся, посмотреть в ту сторону, где из-за камней недавно виднелись рога оленя. И тут же зло сплюнул. Вдаль уносились нарты, запряженные двумя оленями, понукаемыми человеком, одетым как ненцы. Буторин тоже проводил взглядом упряжку и проворчал:

— Ну, гордиться нам с тобой сегодня нечем. Бездарно профукали мы с тобой ситуацию, Миша. Как объясняться будем с Шелестовым, я не знаю. Такой подарок судьбы в виде двух языков — и на тебе. Тут труп, а там только пятки засверкали.